

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПЕТРА ИВАНОВИЧА ЩУКИНА.

Въ дѣтствѣ носили мы, мальчишки, черныя плисовые полушубки, отороченныя сѣрымъ бѣличьимъ мѣхомъ, и черныя плисовые же сапожки, какіе носили тогда и дамы. Я очень обрадовался, когда мнѣ дали первые кожаные сапожки съ красными сафьянными отворотами; до тѣхъ поръ мы носили кожаные или прюнеелевые башмаки дамскаго фасона. Утромъ намъ въ дѣтскую давали по чашкѣ чаю съ молокомъ и по круглой сдобной булочкѣ съ кускомъ бѣлаго хлѣба; обглодавши верхнюю корочку булочки, мы опускали булочку въ чашку, предварительно отпивъ немного чаю; затѣмъ клали въ чашку бѣлый хлѣбъ, придавивъ его ложкой; чашку потомъ опрокидывали на блюдце, и получался пирожокъ, называвшійся у насъ тюрей. Когда обѣдало у родителей много гостей, то насъ, дѣтей, сажали за отдѣльный столъ, что называлось „обѣдать съ музыкантами“.

Отецъ ¹⁾ насъ баловалъ. Въ домѣ Херодинова ²⁾ кабинетъ отца находился во второмъ этажѣ, и окно выходило въ садъ. Бывало, весной или осенью, когда мы гуляли въ саду, отецъ бралъ нѣсколько конфетъ, завертывалъ ихъ въ бумагу, привязывалъ на веревочку и опускалъ изъ окна въ садъ, гдѣ мы ихъ подбирали. Возвращаясь съ обѣда или бала, отецъ всегда привозилъ намъ гостинцы: конфеты, завернутыя въ серебряныя или золотыя бумажки съ картинками или какими нибудь украшеніями, и фрукты. Со свадебъ отецъ привозилъ конфеты въ бѣлыхъ атласныхъ бонбоньеркахъ, украшенныхъ искусственными букетами флеръ-доранжа.

Изъ всѣхъ лѣкарствъ, которыя давали намъ въ дѣтствѣ, только дѣвья кожа и ячменный сахаръ были намъ по вкусу; съ отвращеніемъ принимали мы касторовое масло, которое заѣдали малиновымъ вареньемъ; кастороваго масла въ капсюляхъ тогда еще не знали ³⁾. Не менѣе

¹⁾ Достопочтенный Иванъ Васильевичъ далъ дѣтямъ своимъ отличное образованіе и позаботился, чтобы оно не отвлекло ихъ отъ дѣятельности торговой. Щукины-Калужане, Боровскаго уѣзда. П. Б.

²⁾ Въ Милютинскомъ переулкѣ. П. Б.

³⁾ Я зналъ двухъ лицъ, которыя съ удовольствіемъ принимали касторовое масло: товарищъ предсѣдателя Московскаго Окружнаго Суда Владимиръ Сергѣевичъ Абакумовъ и Козьма Терентьевичъ Солдатенковъ. Однажды мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, какъ Козьма Терентьевичъ послѣ приѣма кастороваго масла облизывалъ столовую ложку.

противнымъ былъ рыбій жиръ, которымъ находили нужнымъ насъ пичкать.

Нашимъ домашнимъ врачомъ былъ докторъ Кноблехъ. Въ 80-хъ годахъ, за однимъ изъ субботнихъ обѣдовъ въ Англійскомъ клубѣ, я увидаль сидящаго за столомъ старика, очень напоминавшаго канцлера Горчакова. Оказалось, это былъ докторъ Кноблехъ.

Въ нашемъ раннемъ дѣтствѣ глупыя няньки пугали насъ трубочистами и будочниками. Боялись мы также темныхъ комнатъ. Позднѣе отъ матери мнѣ часто доставалось, въ особенности за ошибки, которыя я дѣлалъ въ Русскомъ и Французскомъ диктантѣ; она диктовала намъ сама. Мать я боялся, потому что она больно била и притомъ куда попало. Отца мы всѣ очень любили; онъ дѣлалъ намъ выговоръ только тогда, когда кто его заслуживалъ, но никогда рука его не поднималась на дѣтей. Плохое отношеніе ко мнѣ матери отчасти побудило отца отдать меня, 10-ти лѣтняго мальчика, въ Выборгъ, въ Бемскую школу, а затѣмъ, 14-ти лѣтняго—въ Петербургъ, въ пансіонъ Гирета. Я не помню, чтобы отъ матери когда-либо получилъ какой-нибудь подарокъ. Игрушки, картинки, книжки дарилъ мнѣ отецъ или его пріятели (М. Т. Лавровъ, Борхардтъ) и ближайшіе родственники. Когда я учился со старшимъ братомъ въ Выборгѣ, то передъ отъѣздомъ нашимъ туда отецъ всегда заѣзжалъ со мною въ Охотный рядъ къ Егорову, гдѣ покупалъ для насъ всевозможныя сласти, которыя мы брали съ собою въ школу и которыми тамъ лакомились. На Пасху отецъ опять присылалъ намъ въ школу большой запасъ разныхъ сластей.

Изъ жизни въ Хероудиновскомъ домѣ вспомнились мнѣ два случая.

Однажды насъ, дѣтей, М. Т. Лавровъ повезъ сниматься къ фотографу Мебіусу. Это было первый разъ, что насъ снимали. Передъ самымъ открытіемъ камеръ-обскуры Мебіусъ сказалъ намъ: „вниманіе,—сейчасъ вылетитъ птичка“, вслѣдствіе чего мы открыли рты и вышли на фотографіи съ открытыми ртами.

Какъ-то у насъ всѣ дѣти, кромѣ меня, захворали корью или scarлатиной, и поэтому меня отправили гостить къ дядѣ П. Л. Пикулину, который тогда жилъ съ своей женой, моей теткой, Анной Петровной¹⁾ на углу Петровскаго бульвара и 3-го Знаменскаго переулка, въ деревянномъ двухъэтажномъ домѣ, гдѣ занималъ верхній этажъ. Домъ этотъ²⁾ съ садомъ сохранился въ томъ же видѣ и понынѣ.

¹⁾ Урожденной Боткиной.

²⁾ Малюшина.

Помню, изъ оконъ этой Пикулинской квартиры я видѣлъ иногда выѣзжавшій изъ сосѣднихъ казармъ, эскадронъ жандармовъ, носившихъ въ то время кивера съ лошадиными хвостами.

Съ отцомъ мы часто ходили въ церковь; отецъ былъ очень набожный. Когда мы жили въ Колпачномъ переулкѣ, отецъ ходилъ къ ранней обѣднѣ въ церковь Успенія (на Покровкѣ) и бралъ насъ съ собою; для этого заставлялъ насъ будить. Въ Кунцевскую церковь мы ходили съ отцомъ и матерью по Воскресеньямъ и праздникамъ, къ поздней обѣднѣ. Въ этой церкви обыкновенно читалъ Апостола Илья Алексѣевичъ Сусоровъ, товарищъ председателя Московскаго Коммерческаго Суда, для чего онъ выходилъ на середину церкви.

Въ Кунцевѣ жила семья Керцелли. Семья эта состояла изъ четырнадцати человекъ. Помню, Александръ Ивановичъ Постниковъ (сынъ Московскаго врача) вырѣзалъ на скамейкѣ одной Кунцевской бесѣдки слѣдующія вирши:

„На скамейкѣ здѣсь сидѣли
Всѣ четырнадцать Керцелли“.

Жила еще въ Кунцевѣ семья Медвѣдниковыхъ. Сама Медвѣдникова была очень полная особа и курила трубку съ длиннымъ чубукомъ.

Только разъ въ жизни видѣлъ я своего дядю Василя Петровича Боткина, и это было именно въ Кунцевѣ, куда онъ пріѣхалъ къ намъ на дачу. Авторъ „Писемъ объ Испаніи“ жилъ большею частью за границей, а послѣдній годъ своей жизни въ Петербургѣ, гдѣ и умеръ. Другой мой дядя, художникъ Михаилъ Петровичъ Боткинъ¹⁾, тоже пріѣзжалъ въ Кунцево и, поправляя на берегу Москвы-рѣки мою картинку, показывалъ мнѣ, какъ должно писать масляными красками съ натуры пейзажи. Въ то время Михаилъ Петровичъ жилъ обыкновенно въ Римѣ вмѣстѣ съ своимъ другомъ, художникомъ Сергѣемъ Петровичемъ Постниковымъ.

Посѣщалъ насъ въ Кунцевѣ Гаврила Павловичъ Прохоровъ, мущина большого роста и тучный. Помню, какъ мы съ отцомъ навѣстили его зимой въ гостиницѣ „Венеція“, помѣщавшейся на Мясницкой, въ домѣ Нилуса²⁾, и какъ Гаврила Павловичъ рассказывалъ отцу, что утромъ этого дня кто-то зарѣзался въ сосѣднемъ номерѣ. Г. П. Про-

¹⁾ Михаилъ Петровичъ былъ младшимъ изъ братьевъ Боткиныхъ. На свадьбѣ моихъ родителей онъ несъ образъ.

²⁾ Нилусъ былъ извѣстенъ въ Москвѣ, какъ игрокъ въ карты, и за свою игру въ карты былъ высланъ Закревскимъ изъ Москвы.

хоровъ весьма часто повторялъ въ разговорѣ слово: „поняли?“, на что отецъ обыкновенно отвѣчалъ: „еще бы!“ Однажды на какомъ-то обѣдѣ П. Л. Пигулинъ нарочно устроилъ такъ, что Прохоровъ сидѣлъ рядомъ съ отцомъ, вслѣдствіе чего „поняли“ и „еще бы“ слышались въ продолженіе всего обѣда. Еще припоминаю навѣщавшихъ насъ въ Кунцевѣ: слезливаго старика Акулова, служившаго когда-то въ уланахъ, и пѣвца Булохова.

Въ нашемъ Кунцевскомъ саду передъ террасой росла большая липа, подъ тѣнью которой въ хорошую погоду мы завтракали, обѣдали и пили чай. Въ Кунцево приходили изъ Москвы разнощики съ фруктами, игрушками и фейерверками, шарманщики и „петрушка“. Представленія послѣдняго насъ очень занимали. Приводили и медвѣдей. Въ Кунцевѣ не было никакихъ лавокъ, какъ въ другихъ дачныхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣются булочныя, колониальныя, мясныя, зеленыя и другія лавки. Булочникъ отъ Савостьянова изъ Дорогомиловской слободы, въ продолженіе всего лѣта, каждое утро, несмотря ни на какую погоду, несъ на своихъ плечахъ корзину наполненную разнымъ хлѣбомъ. Въ Кунцево онъ приходилъ, обливаясь потомъ, и отпускалъ дачникамъ хлѣбъ на книжку. Раза два въ недѣлю пріѣзжали изъ Москвы на телѣгахъ со своими припасами мясникъ и зеленщикъ. Рыболовы съ Москвы-рѣчки приносили рыбу и раковъ, а крестьяне и крестьянки изъ сосѣднихъ селъ и деревень—цыплятъ, ягоды, яйца, сливки, масло, грибы..

Отецъ держалъ пару извощичьихъ лошадей, на которыхъ ѣздилъ съ дачи въ будни по утрамъ въ Москву, откуда возвращался вечеромъ. Иногда онъ бралъ съ собою кого-нибудь изъ насъ, что доставляло намъ большое удовольствіе. Воскресные и праздничные дни отецъ проводилъ въ Кунцевѣ.

Изъ жизни въ нашемъ домѣ въ Колпачномъ переулкѣ сохранилось въ моей памяти слѣдующее.

Разъ мой отецъ устроилъ обѣдъ исключительно изъ Армянскихъ блюдъ, которыя готовилъ у насъ на кухнѣ С. С. Мирзоевъ. На этотъ обѣдъ были приглашены И. Е. Забѣлинъ, Н. Х. Кетчеръ и П. Л. Пигулинъ. Обѣдъ удался какъ нельзя лучше.

Въ одинъ изъ нашихъ обѣдовъ съ гостями присутствовалъ также пріятель отца, Нѣмецъ, фабрикантъ Гильденбрандтъ, изъ Берлина. Услышавъ разговоръ сидѣвшаго въ кѣткѣ попугая, Гильдебрандтъ, хотѣвшій, должно быть, показать передъ гостями свое знаніе Француз-

скаго языка, сказалъ: „с'est le Paragei qui parle“, отчего многіе изъ гостей едва удержались отъ смѣха.

Въ Колпачномъ переулкѣ бывалъ у насъ также Егоръ Егоровичъ Гикишъ, имѣвшій агентуру шампанскаго, извѣстнаго подъ названіемъ Шампанскаго съ бѣлой головкой¹⁾). Несмотря на то, что Гикишъ уже 30 лѣтъ какъ жилъ въ Россіи, онъ зналъ порусски только одни ругательныя слова. Не лучше зналъ Русскій языкъ и другой Московскій старожилъ, основатель ситцево-набивной фабрики, Альбертъ Осиповичъ Гюбнеръ²⁾). Напримѣръ, онъ говорилъ моему отцу; „ти була тамъ“.

Выходящій изъ ряда случай произошелъ въ томъ же Колпачномъ переулкѣ. Дѣло было зимой, и у насъ въ залѣ обѣдали гости. Разговоръ шелъ о директорѣ Мазуриной фабрики, Англичанинѣ Сейксѣ, сошедшемъ съ ума. Рассказывали, что онъ разѣзжаетъ по Москвѣ. Во время этого разговора раздался звонокъ, и вскорѣ неожиданно вошелъ въ залу самъ Сейксъ. Всѣ испуганно переглянулись. Сейксъ же преспокойно подсѣлъ онъ къ нашей родственницѣ Елизаветѣ Васильевнѣ Чичериной, молодой дамѣ Цыганскаго типа, и вдругъ чмокнулъ ее въ щеку. Испуганная Чичерина выскочила изъ за стола и побѣжала прятаться, а за нею побѣжалъ и Сейксъ; повыскочили изъ за стола и всѣ остальные. Не помню уже, какимъ манеромъ выпроводили потомъ непрошеннаго гостя.

Дополню еще о жизни въ Бемской школѣ³⁾). Вспоминается мнѣ довольно рискованная шалость, продѣланная однажды нѣкоторыми воспитанниками въ классной. Пустую стеклянную бутылку наполнили свѣтильнымъ газомъ и подожгли, отчего послѣдовалъ взрывъ, и осколки бутылки разлетѣлись во всѣ стороны, къ счастью, не причинивъ никому вреда. На шумъ вбѣжалъ въ классную учитель Шрекъ и, разъяренный, бросился на испуганныхъ воспитанниковъ, награждая всѣхъ пощечинами.

На Страстной недѣлѣ, въ хорошую, теплую погоду, подъ начальствомъ приманца Кронгельма-старшаго, мы, Русскіе, отправлялись на нашей школьной лодкѣ (Капопенboot) на какой-нибудь островъ Выборгской бухты, гдѣ пекли картофель и ѣли его съ Чухонскимъ масломъ, запивая пивомъ. Картофель пекли по Шведскому способу: выкапывали

¹⁾ Отъ бѣлой смолы, которою было залито горлышко бутылки.

²⁾ А. О. Гюбнеръ былъ Эльзасецъ и лицомъ очень напоминалъ маршала Мортье. Альбертъ Осиповичъ былъ женатъ на г-жѣ Алланъ, братъ которой, маленькаго роста и вострой, часто сопровождалъ моего отца за границу.

³⁾ Въ Выборгѣ. П. Б.

яму, въ которой устраивали костеръ, потомъ на горячіе уголья клали картофель и закладывали его дерномъ черезъ нѣкоторое время снимали послѣдній и вынимали испекшійся картофель.

Никогда я не пивалъ съ такимъ наслажденіемъ чаю, какъ въ Бемской школѣ, но только не того, который намъ всеѣмъ давали, а который мы сами покупали въ лавкѣ вмѣстѣ съ сахаромъ. Этотъ чай пили мы тайкомъ въ классѣ, для чего изъ буфета потихоньку брали стаканы, а чайникъ имѣли свой; кипятокъ приносили сами изъ кухни и все хранили въ своихъ пультахъ; чай пили въ прикуску.

Послѣ моего посѣщенія Выборга въ 1897 году, я опять пріѣхалъ туда 2 Іюля 1911 года. За четырнадцать лѣтъ Выборгъ поукрасился и сталъ походить на Европейскій благоустроенный городокъ; выстроено много домовъ въ новомъ стилѣ, который такъ идетъ къ Финляндской природѣ. Впрочемъ въ центрѣ города сохранились еще узкія улицы и много старыхъ каменныхъ низкихъ домовъ. Старинный городской замокъ на островѣ, старинная круглая городская башня напротивъ рынка, соборъ, Русская церковь въ Петербургскомъ форштадтѣ, Лютеранская церковь, городскія казармы, Societätshus, Фридрихсгамскіе ворота съ крѣпостными валами и рвами, также „Monrépos“ — напомнили мнѣ Выборгъ 60-хъ годовъ. Только башня городского замка оказалась покрытою куполообразной желѣзной крышей; въ мое время эта башня стояла совсѣмъ безъ крыши. На эспланадѣ, противъ городскихъ казармъ, теперь разбитъ прекрасный паркъ съ цвѣтниками: тѣнистыя аллеи липъ, дубовъ, каштановъ и другихъ деревьевъ, а на лужайкахъ клумбы съ цвѣтущими гортензіями, левкоями, штамбовыми розами, шиповникомъ и съ другими цвѣтами. Въ паркѣ выстроены кафе-ресторанъ, гдѣ прислуживаютъ гарсоны въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ, и гдѣ лѣтомъ по вечерамъ играетъ оркестръ музыки. Въ предмѣстьи Папула прибавилось много новыхъ домовъ. Отъ Бемской школы уцѣлѣло нѣсколько зданій, занятыхъ солдатами стрѣлковаго батальона. Но только изъ главнаго зданія школы, имѣвшаго форму буквы П, сдѣлано три дома: средній и два боковыхъ. Передъ среднимъ домомъ все еще существуетъ прежняя деревянная рѣшетка, отдѣляющая дворъ отъ проѣзжей дороги. На мѣстѣ, гдѣ находился принадлежавшій школѣ садъ съ огородомъ, увидалъ я въ первый разъ недавно выстроенную деревянную полковую церковь. Въ Папулѣ сохранился также домъ Зеземана*), деревянный, на гранитномъ фундаментѣ. Домъ этотъ строился еще при мнѣ, и я помню, какъ мы, ученики, лазили въ немъ во время стройки.

*) Не знаю, кому принадлежитъ этотъ домъ въ настоящее время.

У сына Зеземана, учившагося въ Бемской школѣ, была сестра, вышедшая замужъ за учителя Рульмана. Припоминаю еще, что за Папуловскимъ мостомъ, близъ гранитной скалы Zuckerhut, была вырыта землянка, въ которую зимой на ночь запирались охотники, и изъ окошечка стрѣляли въ волковъ, для чего неподалеку отъ землянки клали какую-нибудь падаль.

Отъ хозяина гостинницы „Бельведеръ“ К. Эренбурга¹⁾, бывшаго ученика Бемской школы, я узналъ, что вдова директора школы Фердинанда Цейдлера живетъ въ настоящее время близъ Выборга, въ Лавола; учитель Фальтинъ живетъ въ Гельсингфорсѣ, а учитель Дегло умеръ лѣтъ пять тому назадъ, и что въ Выборгѣ живутъ бывшіе ученики Баклундъ и Лихонинъ²⁾. Эренбургъ же сообщилъ мнѣ, что Ида Бемъ въ 1870 году открыла въ Выборгѣ женскій пансіонъ, въ коемъ въ 1875 году числилось 55 воспитанницъ и между прочимъ воспитывалась въ этомъ пансіонѣ сестра Эренбурга. У Эренбурга имѣется Шведская книга, гдѣ сказано, что въ 1856 году школа Ивана Бема считалась самой извѣстной въ Выборгѣ; съ 1858 по 1859 годъ директоромъ въ ней былъ Цимсенъ; съ 1860 по 1863 годъ—Ахиллесъ; съ 1864 года—Фердинандъ Цейдлеръ (всего 75 учениковъ) и что онъ получилъ отъ Финляндскаго правительства субсидію въ 20 тысячъ марокъ.

Бывшій ученикъ Бемской школы Эдвинъ Ивановичъ Спарро былъ такъ любезенъ, то прислать мнѣ литографію, изображающую виды Выборга и его окрестностей, рисованную съ натуры учителемъ рисованія Бемской школы А. Шпренге.

„Воспоминанія вашего брата“, пишетъ брату моему Д. Н. Арцыбашевъ, „прочелъ два раза подрядъ съ величайшимъ интересомъ. Начиная съ первой страницы встрѣтилъ мнѣ все хорошо знакомое, начиная съ дома Херодинова, гдѣ я бывалъ имѣя дѣла съ управляющимъ. Имѣніе Херодинова недалеко отсюда въ Елецкомъ уѣздѣ. Гостинница Венеція помѣщалась въ домѣ Нилуса, про котораго я слышалъ отъ моего учителя Александра Платоновича Кетова (побочный сынъ Платона Петровича Бекетова), что Нилусъ былъ извѣстный по Москвѣ игрокъ въ карты. Карабинерный оркестръ Гадевальда слышалъ, а Сакса зналъ лично. На калиберахъ, которые назывались также и гитарами, ѣзжалъ.

¹⁾ Отецъ К. Эренбурга содержалъ въ Выборгѣ гостинницу Societätshus, а дядя его былъ врачомъ у Бисмарка.

²⁾ Бывшіе ученики Бемской школы—Альбертъ Альбертовичъ и Петръ Альбертовичъ Кемпе тоже здравствуютъ: первый—одинъ изъ директоровъ Трехгорнаго пивовареннаго завода въ Москвѣ, а второй—оберъ-прокуроръ уголовного кассационнаго департамента Сената.

О будочникахъ, стоящихъ около своихъ будокъ въ киверахъ съ алебардами, и говорить нечего. Читая и перечитывая прекрасныя воспоминанія Петра Ивановича, переселяешься мысленно въ то время, о которомъ говорится. Всѣ записки и воспоминанія всегда интересны для изученія эпохи, обычаевъ тогдашняго времени, костюмовъ, описанія улицъ, домовъ и т. д. На Собачьей площадкѣ былъ домъ, во флигелѣ котораго жилъ А. С. Пушкинъ, потомъ тамъ была портерная, а теперь, пожалуй, вмѣсто флигеля громадный домище¹⁾). Я съ братомъ, живши въ 1849 г. на Молчановкѣ, ѣзжали на своей тройкѣ съ кучеромъ (крѣпостнымъ Дмитріемъ Захаровымъ: вотъ образецъ стариковской памяти, которая все помнитъ, чтó было за 62 года тому назадъ и ничего, чтó было чуть не вчера). Итакъ мы съ братомъ ѣзжали за игрушками къ Ваханскому на Лубянской площади. На Арбатѣ не было не только магазиновъ, но и гдѣ нибудь пріютившейся табачной лавочки. На Арбатской площади, почти противъ булочной Савостьянова, стояла будка²⁾). Мы гуляли съ нашимъ гувернеромъ В. Ф. Керковымъ ежедневно, будочникъ насъ призналъ и всегда раскланивался. Помню очень хорошо, что древко его алебарды было окрашено въ красный цвѣтъ сурикомъ, а сама желѣзная алебарда очень зазубрена отъ различнаго употребленія. Говорили, что будочницы кололи ими уголь и рубили капусту. Киверъ будочники носили низкій, съраго сукна, съ орломъ надъ большимъ козырькомъ. Одна акушерка (Елисавета Васильевна Титова) ѣзжала на практику такъ: садилась на калиберныя дрожки (какъ сама выражалась) *à cheval*, т. е. верхомъ, какъ ѣзжали мушкетеры, лѣвую руку упирала въ бокъ, а правая вооружалась большой клистирной трубкой. Это было въ 1866 году. Старческая память удивительна, ее можно сравнить съ прочнѣйшей ручной позолотой, теперь почти оставленной, и съ новѣйшей гальванопластической, которая, стираясь, не оставляетъ по себѣ даже воспоминанія. Напримѣръ, укажу на картинную галерею графа Растопчина, которую я помню выставленную на Садовой, гдѣ теперь дѣтская больница. Какъ странно, я помню даже отдѣльно нѣкоторыя картины. Помню много Голландцевъ, маленькихъ тщательно написанныхъ. Покойный мой отецъ, помню, очень хвалилъ Бергемовъ, которыхъ было нѣсколько картинъ. Много было большихъ Итальянцевъ. Все это только и осталось въ памяти. Галерея эта погибла при перевозкѣ за границу моремъ⁴⁾.

¹⁾ Нѣтъ еще. П. Б.

²⁾ У меня хранятся планы церкви св. муч. архидьякона Евпла (что на Мясницкой улицѣ) съ погостомъ и дворами священно и церковнослужителей, 1829 и 1836 г.г. На этихъ планахъ видно, что рядомъ съ церковью, на углу Милютинскаго переулка и Мясницкой улицы, была будка. П. П.